

UNITED WISDOM

Быть причиной и быть автором: разные значения участия

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-04-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Быть причиной и быть автором: разные значения участия

Эпиграф

> *бесконечное вложение маленьких человечков*

Эдвард Брэдфорд Титченер, *A Beginner's Psychology*, глава I, §2, с.8. Собственный перевод короткого образа из критики объяснения ума через ещё одного внутреннего действующего человека. Это отвергаемая модель, а не утверждение о строении личности. Первичный контекст.

О чём эта статья

После случайности люди часто спрашивают, кто это сделал. Вопрос кажется простым, пока в одном ответе не соединяются разные вещи: чьё движение изменило ситуацию, что человек намеревался выполнить, какие последствия он мог понимать и что теперь следует исправить. Если назвать последнее движение всей причиной, исчезнут условия события. Если перечислить все условия и забыть действующего человека, исчезнет его конкретное участие. Ни один переход не совершается автоматически.

Здесь автор действия означает человека, которому мы приписываем поступок под определённым описанием. Это рабочее философское употребление, не юридическая квалификация и не образ невидимого хозяина внутри тела. Через условную сцену с разбитой чашкой мы отделим причинный вклад от намерения, описания действия и ответа за последствия. Исторические рассуждения Титченера, Юма и Аристотеля помогут сформулировать вопросы; они не дают готового универсального механизма или права угадывать чужие мотивы.

I. Последнее движение

Представим условную Алину, которая помогает подготовить общую комнату к встрече. Она передвигает стол, чтобы осталось больше места для прохода. На краю стоит чашка. Когда стол сдвигается, чашка падает и разбивается. Алине говорят, что она разбила чашку. Это понятное бытовое описание: её движение непосредственно предшествовало падению. Однако в комнате действовали и другие люди. Кто-то поставил чашку близко к краю, кто-то оставил узкий проход, кто-то попросил изменить расстановку. Событие имеет несколько условий, даже если последнее движение известно.

Перечисление условий пока ничего не решает о виновности. Оно лишь меняет предмет объяснения. Почему чашка упала — вопрос о последовательности событий. Что делала Алина — вопрос о её действии. Почему она выбрала этот способ — вопрос об основании, которое ещё предстоит узнать. Что участники могут исправить — вопрос о дальнейшем совместном участии. Одно короткое бытовое предложение может быть достаточным для начала разговора и недостаточным для всех этих задач сразу. Такое ограничение не делает обычную речь ложной.

Допустим, чашка была видна, но Алина заметила её слишком поздно. Допустим, она была закрыта книгами. Или Алина заметила чашку и решила, что та не упадёт. Это разные варианты сцены, а не установленные факты. В каждом сохраняется движение стола, но меняется знание о конкретной ситуации. Поэтому из видимого последствия нельзя без дополнительного основания вывести, что Алина хотела его, пренебрегла им или вообще не подумала о других. Начальный факт остаётся важным без этих расширений.

Мы можем начать с признания собственного движения: стол передвинула я, после этого чашка упала. Такое признание ещё не сообщает всей причинной истории и не определяет окончательный ответ за ущерб. Оно делает известное участие видимым. Различать вопросы полезно именно здесь, когда разговор легко становится выбором между полным самообвинением и полным уходом в обстоятельства. В более точном языке можно назвать движение, сохранить неизвестные условия и продолжить исследование события, не объявляя его уже полностью понятым.

II. Условие, вклад и достаточное объяснение

Причинное описание требует указать, для чего оно строится. Участникам нужно понять, как предотвратить похожее падение, распределить работу или уточнить конкретный момент? Для первой задачи важен край стола и способ размещения предметов. Для второй — договорённость о подготовке комнаты. Для третьей — направление и скорость движения, если они действительно известны. Нет необходимости выбирать единственное самое настоящее описание на все случаи. Разные вопросы могут выделять разные условия одной и той же последовательности, не отменяя друг друга.

Но не всякое предшествующее событие становится значимым объяснением. Можно сказать, что встреча была назначена неделю назад и поэтому понадобилась перестановка. Это часть истории, однако она не отвечает непосредственно на вопрос, почему чашка не удержалась на столе. Слишком широкая цепь может включить почти всё происходившее в комнате и потерять предмет. Поэтому полезно проверять связь: какое различие в данном условии могло бы изменить именно тот результат, который мы пытаемся объяснить? Условная сцена допускает такую проверку, не превращая её в эксперимент.

Если чашка стояла на самом краю, это может быть существенным обстоятельством падения. Однако наличие такого обстоятельства не делает движение стола несуществующим. И наоборот, очевидное движение не устраняет вопрос о размещении предмета. Мы можем говорить о нескольких вкладах, не распределяя между ними вымышленные проценты. Статья не знает массы чашки, поверхности стола и всех движений участников. Приписать точную долю каждому условию было бы ложной измеримостью. Достаточно сохранить наблюдаемую последовательность и отдельно отметить предположения.

Такой разбор также не обязывает каждое бытовое событие превращать в бесконечное расследование. Если участники согласны, что чашку следует убрать с края и осторожнее переставлять стол, этого может хватить для ближайшей задачи. Но достаточность для предотвращения повторения отличается от достаточности для морального приговора человеку. Один удачный способ исправить комнату не подтверждает, что все мотивы установлены. Ограниченное объяснение бывает полезным именно потому, что знает свой предмет и не обещает больше, чем позволяет ситуация.

III. Что именно человек делал

Алина передвигала стол, освобождала проход, помогала подготовить встречу и стала участником события, в котором разбилась чашка. Эти описания относятся к одному эпизоду, но имеют разные акценты. Одно называет движение, другое — непосредственную задачу, третье — общий замысел, четвёртое — последствие. Не нужно выбирать между ними так, будто только один глагол может быть верным. Нужно проверить, какие сведения поддерживают каждый глагол и не добавляет ли он неизвестного намерения.

Предложение, что Алина освобождала проход, предполагает понятную цель перестановки. В нашей условной сцене эта цель задана. Предложение, что она разбивала чашку, может звучать как описание намеренного разрушения. Но оно уже выходит за пределы установленных сведений. Бытовое разбила иногда называет причинный результат без утверждения о намерении; в споре это различие легко теряется. Поэтому полезно уточнять смысл слова, особенно когда от него зависит отношение к человеку. Уточнение здесь не является хитростью для ухода от известного участия.

Может выясниться, что Алина намеревалась передвинуть стол быстро и сознательно приняла риск. Тогда описание её выбора станет полнее. Может выясниться, что она следовала точной просьбе, не понимая положения чашки. Тогда важны другие сведения. Мы не знаем заранее, какой вариант окажется верным. Смысл философского различения в том, чтобы не выводить все эти обстоятельства из одного результата. Последствие

помогает определить предмет разговора, но само не рассказывает человеку и его собеседникам всю историю принятого решения.

Когда действие описано точнее, становятся видны и границы расхождения между участниками. Один говорит о движении, другой — о неосторожности, третий — о невнимании к общей комнате. Они могут думать, что обсуждают один вопрос, хотя предъявляют разные утверждения. Каждое нуждается в собственном основании. Алина может согласиться с первым и спросить о втором; это ещё не отказ признать событие. Разговор выигрывает, если согласие с наблюдаемым фактом не используется как незаметное согласие со всеми последующими оценками.

IV. Внутренний автор не решает вопрос за нас

В начале *A Beginner's Psychology*, §2, Титченер критикует объяснение ума через маленького внутреннего человека. Если его действия тоже требуют объяснения, перенос внутрь просто отодвигает вопрос. Нам нужен этот ограниченный аргумент против бесконечного объяснительного повторения. Структуралистская программа автора остаётся исторической; её нельзя объявлять современной теорией всей психики. Прочитанный первичный контекст, с.6–8.

В бытовом разговоре похожий перенос возникает, когда говорят, что настоящее я Алины приказало телу передвинуть стол. Такое выражение может быть метафорой переживания решения. Но оно не устанавливает дополнительных фактов о событии. Если затем спросить, почему это настоящее я отдало приказ, нам снова понадобятся основания, знание ситуации и обстоятельства действия. Название внутреннего автора не заменило их. Метафора полезна лишь пока остаётся метафорой и не выдаётся за найденный механизм, который объясняет каждый поступок без дальнейших вопросов.

При этом отказ от маленького внутреннего управляющего не означает отказ от человека как участника. Алина не исчезает из сцены, когда мы рассматриваем её движение и основания без такого образа. Она может рассказать, что собиралась сделать, признать увиденное и пересмотреть свою оценку. Эти обычные формы участия не требуют сначала решить все споры о природе сознания. Мы можем описывать действие человека в разговоре и одновременно сохранять открытым вопрос о том, какая философская теория лучше объясняет возможность такого действия.

Важно не использовать историческую критику как новое универсальное доказательство. Она не показывает, что вся ответственность иллюзорна, и не устанавливает, будто любой поступок полностью раскрывается наблюдением тела. Такие выводы потребовали бы других аргументов. Наш более узкий итог состоит в том, что объяснение не становится достаточным от добавления ещё одного скрытого действующего лица. Если мы хотим

понять конкретную чашку и конкретный стол, нужно вернуться к известной последовательности, принятому описанию и тому, что пока остаётся неизвестным.

V. Причины и характер не совпадают

В восьмом разделе «Исследования о человеческом познании» Юм связывает вопрос о действиях и человеческом характере с причинностью и условиями свободы. Это историческая философская позиция, не действующая правовая норма. Для нашей темы она служит поводом различить объяснение события и оценку устойчивых оснований человека. Рассмотрены выбранные параграфы, а не всё учение автора. Первичный текст, VIII, §§73–77.

Разбитая чашка может побудить участников назвать Алину неосторожной. Такое слово предполагает больше, чем один установленный вклад. Оно связывает событие с некоторой устойчивостью поведения. Чтобы обсуждать эту связь, нужны дополнительные случаи и понимание условий, а не только досада владельца чашки. Даже повторение похожего результата не раскрывает причины автоматически: комната может каждый раз быть плохо подготовлена, а способы перестановки — различаться. Осторожность в выводе о характере не мешает внимательно рассмотреть конкретное движение и его последствия.

Алина также может слишком быстро перейти от события к общей оценке себя. Если она решит, что всегда всё портит, это будет новым утверждением, которое сцена не подтверждает. В нём исчезнут различия между разбитым предметом, неверной оценкой риска и всей жизнью человека. Сильное переживание не делает масштаб такого вывода точным. Мы можем уважать неприятность случившегося и не принимать её за доказательство постоянного свойства. Более ограниченное описание иногда оставляет больше места для реального исправления, чем убедительный общий приговор.

Понятие характера может иметь смысл в более длительном разговоре о том, как человек обычно участвует в общей работе. Но и там необходимо назвать наблюдаемое: какие действия повторялись, что менялось, какие просьбы были понятны, как исправлялись ошибки. Тогда слово не подменяет описание. Наша сцена не даёт этих данных, поэтому статья не устанавливает характер Алины. Она показывает границу перехода: причинный вклад в событие и устойчивое свойство личности относятся к разным утверждениям и не наследуют обоснование друг друга.

VI. Знание конкретной ситуации

В третьей книге «Никомаховой этики», III.1, Аристотель обсуждает добровольное действие с вниманием к обстоятельствам, которые человек знает или не знает. Для современной условной сцены это даёт вопрос, а не готовую квалификацию: какие конкретные сведения были доступны Алине? Древние классификации и оценки не заменяют отдельного разбора события. Прочитанный первичный текст, III.1.

Можно знать, что на столе стоят предметы, и не видеть чашку за стопкой бумаг. Можно видеть чашку и ошибаться относительно устойчивости. Можно понимать риск, но считать, что движение будет достаточно плавным. Эти варианты различаются по содержанию знания и по оценке. Поэтому вопрос, знала ли Алина, оказывается слишком общим без указания предмета. Знала о существовании чашки, о крае, о возможности падения или о собственном способе перемещения? Иногда уточнение этого предмета уже показывает, о чём участники раньше говорили мимо друг друга.

Знание после события нельзя без основания переносить в момент до события. Теперь всем видно, что чашка стояла неудачно. Но очевидность после падения не доказывает такой же ясности перед движением. Это не означает, что никто не мог заметить риск. Это означает, что нужно установить, что действительно было видно и понято. Алина может вспомнить предупреждение, а другой участник — уточнить, что произнёс его уже после начала движения. Порядок событий имеет значение, когда обсуждается доступное понимание, а не только конечная картина.

Уточнение знания также не отменяет последствия. Даже если чашка была скрыта и Алина не могла её увидеть, комната нуждается в уборке и договорённости о предметах на столе. Если же она видела риск, могут возникнуть дополнительные вопросы о её выборе. Мы не должны сводить всё к одной развилке: признать неизвестность или исправить ущерб. Первое ограничивает объяснение прошлого, второе касается доступного участия сейчас. Различие этих задач позволяет не требовать окончательной философской определённости перед каждым необходимым бытовым действием.

VII. Ответ за последствие имеет несколько форм

После падения можно убрать осколки, предложить заменить чашку, извиниться за неудобство, изменить размещение предметов или договориться о перестановке. Эти действия имеют разные предметы. Уборка восстанавливает возможность пользоваться комнатой; замена относится к потерянной вещи; извинение — к отношениям; новый порядок — к похожим будущим случаям. Ни одно не обязательно заменяет остальные. Однако не следует заранее превращать их в единый обязательный список: конкретные договорённости и обстоятельства принадлежат самим участникам.

Алина может предложить помощь, не объявляя себя единственной причиной всего события. Это важная возможность, когда причинный рассказ сложнее последнего движения. Признать свой вклад и участвовать в исправлении не значит подписать любое обвинение. Владелец чашки, со своей стороны, может принять помощь и всё ещё хотеть обсудить осторожность. Совпадение ближайшего действия не требует полного совпадения оценок. Иногда совместная уборка возможна раньше, чем завершится разговор о причинах, и не должна выдавать себя за окончательное решение этого разговора.

При этом предложение исправить нельзя использовать для покупки согласия. Замена чашки не даёт Алине права требовать, чтобы другой человек больше не испытывал досады или немедленно доверял её движениям. Переживания и оценки другого участника не становятся результатом, которым она может распоряжаться. Можно обсуждать конкретные просьбы и границы, но нельзя объявлять внутренний ответ другого человека частью собственного завершённого действия. Здесь снова полезно различить то, что сделано, то, что предложено, и то, что зависит от нескольких участников.

Статья не определяет юридическую ответственность за повреждённое имущество. В реальной ситуации она зависит от действующих норм и фактов, которых наша сцена не содержит. Философское различение позволяет яснее поставить вопросы, но не устанавливает ответ за правовую систему. Когда такой ответ нужен, требуется соответствующий разбор. Для нашей ограниченной темы достаточно увидеть, что бытовое участие в исправлении, моральная оценка и формальная обязанность различаются и не подтверждаются одним словом, которым описали падение чашки.

VIII. Кто ещё участвовал

Предположим, другой участник поставил чашку на край, а третий попросил передвинуть стол, не проверив поверхность. Их действия тоже входят в историю. Но из этого нельзя вывести, что все отвечают за событие одинаково. Они могли знать разные обстоятельства, принимать разные решения и иметь разные возможности заметить риск. Перечисление людей — только начало описания, а не распределение ответственности. Иначе многопричинность станет удобным способом не различать вкладов вовсе, заменяя исследование общим утверждением, что виноваты все.

Полезно отдельно спросить, что каждый делал и что ему было известно. Поставить чашку временно и оставить её перед перестановкой — разные последовательности. Попросить освободить проход и потребовать немедленного движения без проверки — разные просьбы. Эти различия не нужны для бесконечного дробления события. Они помогают не приписывать одному участнику знание и намерение другого. Общая комната создаёт

связь между действиями, но не создаёт одного общего сознания, которое заранее понимает все условия и выбирает за каждого.

Есть и организационный уровень. Если поверхность обычно используется для вещей, а проход регулярно освобождают перестановкой, порядок может нуждаться в изменении. Такое замечание не отменяет отдельных действий. Оно указывает на условие, которое участники способны обсудить вместе. Можно обозначить место для чашек или сначала освобождать поверхность. Это предложение о будущем, а не доказательство того, что прошлое событие целиком объяснялось системой. Слово система иногда так же быстро закрывает вопрос, как слово характер, если за ним нет определённого содержания.

Распределённое участие требует разговора, а не угадывания долей. Алина может сказать, что передвинула стол; другой человек — что поставил чашку; третий — что не проверил поверхность перед просьбой. Эти признания могут различаться по значению и последствиям. Их ценность в том, что они делают последовательность доступнее для общего понимания. Если участники не согласны с фактами, это расхождение нужно сохранить. Доброжелательное желание закончить спор не оправдывает вымышленного единогласия о том, чего никто достоверно не установил.

IX. Как говорить от первого лица

Описание собственного участия может начинаться с ограниченных глаголов: передвинула, заметила, предположила, предложила. Каждый связывает слова с определённым предметом. Когда Алина говорит, что предполагала устойчивость чашки, это её свидетельство об оценке, а не автоматически проверенный факт о всех условиях. Когда говорит, что передвинула стол, речь идёт о наблюдаемом действии. Разный статус этих утверждений полезно сохранить. Тогда первое лицо не становится ни безошибочным источником всей правды, ни подозрительным местом, где любое объяснение заранее считается оправданием.

Иногда человек не помнит своего основания достаточно ясно. Можно так и сказать. Признание неизвестности лучше, чем правдоподобная история, созданная после события только для завершённого ответа. Алина может знать, что освобождала проход, и не помнить, успела ли оценить край. Это не делает её участие отсутствующим. Оно ограничивает реконструкцию. Участники вправе обсуждать известные действия, сохраняя неопределённость там, где не хватает свидетельств. Полный рассказ звучит удобнее, но удобство ещё не делает каждую его часть достоверной.

В разговоре можно также отделить собственное объяснение от просьбы к другому человеку. Алина описывает движение и предлагает замену. Это два разных речевых действия, даже если они идут подряд. Другой участник может согласиться с

объяснением, но отказаться от замены; может принять замену, но оставить вопрос о неосторожности открытым. Свободный ответ не обязан повторять внутреннюю логику предложения Алины. Такая граница уменьшает соблазн считать, что хорошо сформулированное признание должно автоматически произвести нужную реакцию и закончить все отношения вокруг события.

Первое лицо имеет значение и для пересмотра. Если позже обнаружится, что стол задела ещё одна вещь, Алина может уточнить первоначальный рассказ, не стирая известного движения. Новые сведения меняют описание причин, но не делают раннюю ограниченную фразу обязательно нечестной. Важно, была ли она представлена как всё объяснение или как установленная часть. Именно поэтому полезно говорить точнее с самого начала: не ради защиты безупречного образа, а ради возможности расширять понимание, не подменяя прежние факты удобной новой историей.

X. Авторство без полной прозрачности

Человек может быть автором действия под понятным описанием, не имея полного знания всех его причин и последствий. Алина передвигала стол ради прохода, хотя не могла заранее рассказать всю физическую и социальную историю комнаты. Такая неполнота обычна для нашего условного случая. Но она не делает любые описания равными. Мы всё ещё различаем заданный замысел, наблюдаемое движение, неизвестное понимание риска и фактическое падение. Авторство здесь сохраняет определённый предмет, а не обещает человеку полную власть над всем событием.

С другой стороны, причинное объяснение может расширяться без превращения Алины в исчезнувший элемент. Узнав больше об условиях, мы можем точнее описать вклад её движения и участие других. Это не требует сначала объявить выбор иллюзией или доказать абсолютную независимость человека от обстоятельств. Подобные метафизические вопросы имеют собственные аргументы. В бытовой сцене достаточно не делать из них быстрых выводов, которые закрывают конкретное участие. Перечень причин и описание поступка могут работать рядом, отвечая на разные вопросы.

Наш итог не состоит в том, что всегда нужно найти равновесие между обвинением и оправданием. Иногда установленные факты требуют ясной оценки; иногда они недостаточны даже для неё. Задача точного языка — сохранять основания переходов. От движения к намерению, от результата к характеру, от вклада к обязанности нельзя переходить лишь потому, что предложение звучит естественно. Каждый переход добавляет содержание. Когда это содержание не установлено, его следует обозначить как вопрос, а не прятать внутри привычного имени человека, якобы всё объясняющего.

Алина может завершить ближайшую часть ситуации простыми словами и действиями: назвать своё движение, убрать осколки вместе с согласными участниками, обсудить замену и уточнить порядок перестановки. Не все причины от этого станут прозрачными, и не все оценки совпадут. Но известное участие перестанет исчезать то за общим приговором, то за длинной цепью обстоятельств. Человек остаётся видимым в конкретном действии; событие остаётся шире этого действия. Различать оба масштаба — и есть смысл нашего разговора об авторе и причине.

Что это значит на практике

Для безопасного обратимого случая, который вы сами хотите разобрать, разделите запись на четыре коротких вопроса. Что наблюдаемо произошло? Что именно я делал под понятным описанием? Что действительно известно о моём понимании обстоятельств? Какое участие в исправлении сейчас доступно? Не используйте эту пробу для угрозы, принуждения, тяжёлого вреда или определения правовой обязанности. Она предназначена только для добровольного уточнения речи.

Отметьте, где вы добавляете предположение: о собственном прежнем основании, о чужом намерении, об устойчивом характере или о достаточности одной причины. Не нужно удалять все предположения; нужно обозначить их статус. Если другой человек участвует в разговоре, предложите ему уточнить собственное действие и известные условия. Его отказ не доказывает ни вины, ни отсутствия участия и не даёт разрешения угадывать мотив.

Выберите один вопрос для следующего шага: проверить факт, исправить конкретное последствие или согласовать будущий порядок. Результат ограничен этой задачей. Уборка не доказывает полной ясности причин, уточнение причин не заменяет договорённость, а предложение помощи не устанавливает реакцию другого. Пробу можно прекратить, если она усиливает давление. При необходимости безопасности, правового или профессионального разбора обращайтесь к соответствующей поддержке; философское различение само не даёт такого заключения.

Ключевая цитата

> *наблюдаемый факт*

Эдвард Брэдфорд Титченер, *A Beginner's Psychology*, глава I, §2, абзац после критики внутреннего человечка, с.8. Собственный перевод короткого фрагмента, обозначающего требование к описанию в исторической программе автора. Он не означает, что чужие мотивы непосредственно наблюдаемы.

Связи между традициями

Титченер ограничивает объяснение, которое повторяет действующего человека внутри человека. Юм ставит причинность действий в связь с характером и условиями свободы. Аристотель различает обстоятельства добровольного действия. Эти прочитанные опоры помогают удержать разные вопросы, но не образуют единой теории сознания или ответственности.

Условная сцена Алины — авторское применение различий. Она отличается от прежней статьи о реальных альтернативах: здесь уже произошло событие и уточняется участие, а не составляется карта доступных путей. Исправление чашки также не приравнивается к юридической обязанности; неизвестные сведения остаются неизвестными.

Первоисточники

1. E. B. Titchener, *A Beginner's Psychology*, Macmillan1915, глава I, §2, с.6–8; выбранное начало главы IX, §53. Project Gutenberg51442. Прочитаны выбранные авторские абзацы и оговорка предисловия об эпиграфах; мозаичные эпиграфы не использованы.

2. David Hume, *An Enquiry Concerning Human Understanding*, VIII, выбранные §§73–77. Project Gutenberg9662. Историческая философская опора для различения причинного рассказа и оценки человека; не правовое заключение.

3. Aristotle, *Nicomachean Ethics*, III.1, перевод W. D. Ross. Internet Classics Archive. Прочитанный выбранный контекст обстоятельств добровольного действия. Полные книги не объявляются прочитанными; права конкретных версий сохраняют территориальные и редакционные ограничения.

Теги

действие, причина, авторство, участие, намерение, последствие, обстоятельства, знание, описание, ответственность, причинность, добровольность, оценка, характер, объяснение, неизвестность, первое лицо, совместная работа, исправление, договорённость, Титченер, Юм, Аристотель, философия действия, историческая психология, различение, границы знания, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.